

СОДЕРЖАНИЕ

Обращаюсь к Вам! 6

I

Я реабилитирован 7

Загубленная жизнь 9

«Какие же там были интересные люди!» 10

Из сибирской тайги — в Ленинград 12

К Вам — снова! 14

II

«В нашей семье умирают от голода» 16

Блокадный Ленинград слушает Сталина 26

В госпитале 36

«Пусть уж я такой и останусь» 37

III

Послевоенный удар по культуре 40

Школа — настоящая 43

В студенчестве 45

Один день 1949 года 53

Такая вот повседневность 57

И такой учитель 60

У академика Тарле 65

Путешествия студентов в те годы 66

Судьбы старших коллег 71

IV

В атмосфере травли «космополитов» 76

ANNO DOMINI 1953 81

Не дай Вам Бог такого! 86

V

Надежды оттепели 91

И в общежитии — жизнь 97

От отбойного молотка до работы монтажника-высотника	99
С концом оттепели	101
Как же все мы зависим и от геополитики!	104
Москва встречает африканцев	109
Знакомство — издали	116
Удалось узнать забытое прошлое	124

VI

Мы стали первыми	127
Добрый урок	136
Добрая традиция всё же есть!	149

VII

Российский центр у мыса Доброй Надежды	152
Нельсон Мандела о России	156
В Кейптауне	158
Россияне на юге Африки	165
Южноафриканцы — георгиевские кавалеры	169
Южноафриканская кровь — нашим раненым	170
Совсем уж нежданная находка	172
Карьера Черчилля началась тут	179

VIII

Полвека вместе	182
Студенчество — ныне	191

IX

Сейчас бы так!	197
В американских университетах	203
Люди Зарубежья	205
Для меня — открытия	207
Главное — взаимопонимание!	211
Грозные предсказания	220

X

Серебряный век в моей судьбе	225
Взором его царицы	230

«Не всегда хорошо кончалось...»	239
Встречи с «невенчанной вдовой»	242
Хранили память	255
По его завету	258
Даже в ГУЛАГе	260
К чему приводят запреты	264

ХІ

Вторая муза историка	266
Признания Примакова	269
«Мысли и афоризмы»	271
Люблю!	275
Именной указатель	281

Ведь всё, мой друг,
о нас с тобою.

Булат Окуджава¹

ОБРАЩАЮСЬ К ВАМ!

Вы уже раскрыли книгу. Разрешите обратиться к Вам.

У каждого из нас есть о чем вспоминать. Будь у меня возможность, осмелился бы Вам сказать:

— Вы, конечно, рассказываете о своей жизни близким, друзьям. А хотите дать своим воспоминаниям и размышлениям бóльшую огласку: опубликовать их? Может быть, Вы уже сделали это? Или, наоборот, категорически против? Если так — то почему?

Ваш ответ был бы очень интересен мне. И разве только мне?

А пока хочу сказать и самому себе, и Вам, почему стал писать воспоминания.

Причин за девяносто с лишним лет моей жизни накопилось очень много. Надеюсь, что в книге это видно. А поводы? Вот один из них — документы, которые мне прислали из Министерства внутренних дел.

¹ Прогулки фрайеров // Окуджава Б.Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 395.

Я РЕАБИЛИТИРОВАН

Из Министерства мне написали, что (простите за длинную цитату) «в соответствии с определением Конституционного суда Российской Федерации от 18 апреля 2000 г. и Законом Российской Федерации от 18 октября 1991 г. “О реабилитации жертв политических репрессий” заключением ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 26 марта 2003 г. Давидсон Аполлон Борисович как оставшийся в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца, необоснованно репрессированного по политическим мотивам, признан подвергшимся политической репрессии и реабилитирован»¹.

Так что, оказывается, я «признан подвергшимся политической репрессии и реабилитирован».

До 2003 года, когда получил такой документ, я этого не знал. А получив, пытался понять его смысл.

Что значит: «подвергся политической репрессии»?

¹ МВД России. Главное управление внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Справка № Д-12. 26 марта 2003 г.

Да, я жил в ссылке. Там и родился. В сибирской тайге, в деревне Ермаково. Я там находился как сын сосланного в 1928 году.

Значит, это признали политической репрессией.

А что значит «реабилитирован»? Меня никогда ни в чем не обвиняли.

В том же 2003 году я получил и другой документ: «Свидетельство». В нем сказано: «Предъявитель настоящего свидетельства имеет право на льготы, установленные статьей 16 Закона РСФСР “О реабилитации жертв политических репрессий”».

Получив эти документы, я их не сразу понял. Когда вдумался, увидел, как тесно их содержание связано с моей судьбой.

Чтобы не быть многословным, скажу только об одном, довольно явном.

Я, говоря языком советского времени, был «невъездным» — до декабря 1981 года, когда пошел уже 53-й год моей жизни. Не мог бывать не только на Западе, но и в Африке, историю которой изучал со студенческих лет, с 1948 года.

Накопленные мною знания оказались нужны нашим властям.

В конце 1950-х в Министерстве иностранных дел создали отдел Африки. Набрали дипломатов, опытных, но никогда не занимавшихся проблемами Африки. Мне поручили читать им курс лекций. Преподавал и в Дипломатической академии (тогда она называлась иначе).

Если мои знания оказались нужны, то, казалось бы, необходимо дать мне возможность увидеть Африку своими глазами. Но этот путь мне был заказан — не разрешали.

Почему? Ответ — не в том ли документе из МВД? Одно лишь упоминание о «политической репрессии» — сами эти два слова, уверен, определяли отношение ко мне.

И в вопросе о поездках за рубеж, и вообще.

ЗАГУБЛЕННАЯ ЖИЗНЬ

А как мой отец стал ссыльным?

В 1928 году Сталин утвердился у власти: покончил с ленинским НЭПом, изгнал Троцкого, расправился с «оппозицией»... И поднялся новый шквал арестов среди интеллигенции. Под это и попал мой отец — отправили в ссылку. К нему поехала моя мама — они сдружились, когда еще их семьи жили под Самарой, в городе Бузулук.

Побывал отец и в тюрьме. Там умер, не выдержав тюремных условий, человек по имени Аполлон. Отцу он очень нравился. И когда я родился, меня назвал Аполлоном — в память о нем.

Отец был в ссылке в сибирской глуши с 1928 года до 1934-го. Затем несколько лет не имел права жить в больших городах. Смог вернуться в Ленинград в 1937-м. В середине марта 1942-го — новая ссылка. Из голодающего Ленинграда высылали тех, кто уже подвергался репрессиям. До середины 1950-х отец был на самом севере, в Салехарде, за Воркутой. В Ленинград не мог вернуться после ссылки еще несколько лет: надо было заработать «северные», чтобы купить жилье в Ленинграде. Вернувшись, ушел на пенсию — ему было за шестьдесят. Так в ссылках и прошла жизнь отца.

Справку о реабилитации мне, его единственному сыну, прислали из МВД через три десятилетия после его кончины, в 2000 году². В ней сказано, что он «был выслан в административном порядке из Ленинграда без указания срока высылки как социально-опасный элемент (сын крупного фабриканта)». И что реабилитирован на основании статьи закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий». Так что реабилитировали его через много лет после его кончины — уже после распада Советского Союза.

² МВД России. Главное управление... Справка № Д-144. 25 октября 2000 г.

Никакими заводами и фабриками мой дед, конечно, никогда не владел. А именно это и было предлогом, чтобы отцу поломали жизнь.

И какое же еще оскорбление! В верхней части присланной мне справки о нем: «Выдается один раз, пользоваться копиями». Человеку ломали всю жизнь — и такой высокомерный окрик!

Так погубили жизнь отцу.

Отразилось это и на моей судьбе.

«КАКИЕ ЖЕ ТАМ БЫЛИ ИНТЕРЕСНЫЕ ЛЮДИ!»

Так часто повторяла эти слова моя мама.

О каких местах она говорила: «там»? О сибирских таежных деревнях, где оказались она, отец и я.

А интересные люди — кто это?

Прежде всего, та петербургская интеллигенция, которую Сталин сослал в Сибирь в конце 1920-х. Как известно, Ленин писал Горькому, что интеллигенция считает себя мозгом нации, а «...на деле это не мозг, а говно»³. Сталин относился к ней еще жестче.

Сосланная интеллигенция, естественно, возмущалась репрессиями, которым ее подвергали. Относиться с симпатией к сталинскому, да и вообще советскому режиму, ей было нелегко. Но вслух выразить свое возмущение — опасно.

Послушать бы, о чем говорили ссыльные в тех таежных деревнях! Что говорил мой отец? Но я был слишком мал, чтобы это понять.

Все же понял, но только через несколько лет, когда вернулся в Ленинград, вместе с мамой (отца еще долго держали в ссылке).

³ Письмо Горькому А.М. от 15 сентября 1919 года // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 51. М.: Политиздат, 1970. С. 48.

К маме приходили ее друзья. Приходили и те, у кого ссылка кончилась.

Все разговоры велись при мне, в нашей комнате. Я их понимал — стал уже старше. Важнейшей темой бесед были репрессии. Ведь ни один из приходивших к маме их не избегал. Даже наши соседи по коммунальной квартире.

Я стал спрашивать маму и ее друзей:

— А какие люди судят о Сталине так же, как вы?

Мне ответили:

— Таких немало. Но открыто говорить боятся.

Добавили:

— Академик Иван Петрович Павлов говорил то, что думаем мы.

И рассказали мне, что слышали о взглядах Павлова.

Это мне так запомнилось, что я потом много лет искал возможности найти документальные свидетельства об этих взглядах. Находил — по чуть-чуть. В Самиздате. А в печати — лишь через много лет.

Узнал, что Павлов писал в Совет народных комиссаров, Бухарину, да и Молотову: «Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия... Мы живем под господством жестокого принципа: государство, власть — всё. Личность обывателя — ничто... Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человечно».

Письмо в Совнарком он закончил так: «Не один же я так думаю и чувствую? Пощадите же родину и нас. Академик Иван Павлов. Ленинград. 21 декабря 1934 г.»⁴

Иван Петрович высказывал эти мысли и в лекциях студентам. «Первую лекцию я всегда читаю на общие темы в свидетельство того, что хотя и специалист, но все-таки живу и общими впечатлениями жизни, с ними считаюсь, их

⁴ Павлов И.П. «Не один же я так думаю...» // Своевременные мысли, или Пророки в своем отечестве. Л.: Лениздат, 1989. С. 94–96, 98.

перерабатываю и на них реагирую... В последние годы я эту общую тему посвящаю внутреннему состоянию России...»⁵

Почему Павлова не арестовали? Уж больно знаменит он был. Но и ему, может быть, не избежать бы тюрьмы, если бы он дожил до ужасного 1937-го.

Конечно, в газетах и журналах эти письма академика Павлова не публиковались, но среди интеллигенции сведения о них тайком распространялись. Так что его слова «Не один же я так думаю и чувствую» брали за душу многих. И тех, кто был сослан в Сибирь.

ИЗ СИБИРСКОЙ ТАЙГИ — В ЛЕНИНГРАД

Вернувшись с мамой в Ленинград, я оказался среди людей, которым пришлось пройти через испытания сталинского времени:

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке⁶.

И очень рано понял, что для советских властных структур и всех зависящих от них учреждений на мне будет клеймо: «сын ссыльного».

Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Я с детства мог общаться с интересными и очень хорошими людьми, слушать разговоры об их жизненном опыте, их взглядах, прислушиваться к их советам. Моя судьба вызывала доверие ко мне у тех, кто осуждал сталинизм. Люди, среди которых я рос, знали, что мой отец — в ссылке. Что я там родился. Это вызывало их сочувствие.

Так что я мог бы отнести к себе слова Евтушенко:

⁵ Павлов И.П. Указ. соч.

⁶ Тарковский А.А. Благословенный свет. СПб.: Северо-Запад, 1993. С. 249.

Я родился в тайге
у сибирской Оки...
У реки по имени Вопреки.

.....
Все, что лучшее в нас, —
Вопреки, а не благодаря⁷.

Так что во всех невзгодах была для меня и добрая сторона. Те, с кем я знакомился, встречался, понимали, что ко мне власть не будет благоволить. И это вызывало симпатию ко мне со стороны несогласных со сталинской политикой. Со мной держались откровеннее, чем это тогда было принято. А порой и душу открывали.

Вот и захотелось написать о них. Возможность появилась в годы перестройки и гласности: цензуру тогда отменили, и я написал о них в книге «Я вас люблю».

Но в 2017-м решил снова обратиться к воспоминаниям. Почему? В 2017-м исполнилось 80 лет с того злополучного 1937-го, когда страдали в лагерях миллионы россиян. Гибли от пыток, расстрелов.

Не скажу, что у нас совсем уж не отмечалась годовщина 1937-го. Но ведь эту трагедию нашего народа надо бы отмечать так, чтобы напомнить и всем нам, и властям, что такое не должно повториться. А эта годовщина прошла почти незаметной. Телевизор, радио и газеты сообщали о ней намного меньше, чем о спортивных соревнованиях.

Необходимо помнить о том, как судьбы тогда ломались! Владимир Высоцкий не был свидетелем 1937-го, он родился позднее. Но писал с отчаянием о тех, кто так несправедливо забыт:

Жжет нас память и мучает совесть,
у кого она есть⁸.

⁷ *Евтушенко Е.А.* Счастья и расплаты. М.: ЭКСМО, 2019.

⁸ *Высоцкий В.С.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Песни и стихи. 1973–1975. Тула: Тулица, 1997. С. 241.

К ВАМ — СНОВА!

Достаточно ли мы знаем то время, в котором прошла бóльшая часть моей жизни? «Советская Атлантида с огромной скоростью — неестественной, казалось бы, для ее безмерных пространств и долголетия, — погружается на дно, покрываясь океанической толщей забвения»⁹.

Покрывается «толщей забвения»? Но ведь нынешние поколения, никуда не деться, — наследники «Советской Атлантиды». Так что знать ее нам обязательно надо. А легко ли это — знать ее, по-настоящему понимать? Можно ли вполне верить официальным документам? Пропаганде? Нужны честные признания тогдашних людей. Но они боялись вести дневники, писать воспоминания. Их мнения искренне выражались лишь в доверительных беседах друг с другом. Но эти разговоры не записывались. Так было не год или два, а много-много лет.

А разве то время совсем ушло? «Еще недавно казалось, что советские условия безвозвратно ушли в прошлое и мало кому интересны. Но сейчас наше общество все больше напоминает мне ту страну, в которой я прожил первые шестьдесят лет своей жизни... А коль скоро это так, прошлый опыт важен не только будущим историкам, о нем полезно знать и современным молодым людям, даже если они сами этого пока не осознают»¹⁰.

В наше время сказано:

...кораблям, что следуют за нами,
Придется драться с теми же волнами,
И скрежетать от той же самой боли,
О те же скалы ребра ободрав¹¹.

⁹ Матвеева Н. Разговорчики в струю // Новая газета. 2007. 24–26 сент.

¹⁰ Кон И.С. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008. С. 9.

¹¹ Матвеева Н.Н. Братья капитаны // Избранное: Стихотворения; Поэмы. М.: Худож. лит., 1986. С. 85.

Да скалы могут меняться, волны — тоже. Но боль-то они продолжают приносить! Поэтому знать об этих годах надо. Забываем — и платим за это снова и снова. Да еще как!

А что забываем? Многие страны и народы помнят в своем прошлом прежде всего то, чем можно гордиться: успехи, достижения, победы. Не исключение тут и мы. В заметках поэта Роберта Рождественского есть такая фраза: «Долгое время мы говорили о своей стране, как принято говорить о покойниках: только хорошее»¹².

А государственные ошибки, промахи, преступления? Если их забыть, не вспоминать, они повторятся. В сталинские времена даже упоминать-то об этом было невозможно. Теперь появляются правдивые воспоминания. Но как же их мало!

В судьбе каждого из нас отражается время, на которое твоя судьба пришлась. Я вспоминаю, как повидал в своей жизни то, что важно и сегодня.

Мой жизненный путь не был усыпан розами. Но мне везло, я думаю, в главном: на встречи и дружбу с хорошими людьми. Везет и сейчас.

Слава Богу, у меня друзей немало.

К вам и обращаюсь!

¹² *Рождественский Р.* Поздние записи // Новая газета. 2007. 21–26 июня.

«В НАШЕЙ СЕМЬЕ УМИРАЮТ ОТ ГОЛОДА»

Воспоминания часто начинают с истории семьи — о дедах, бабушках, а то и прадедах и прабабушках. Увы, я так не могу. Дедов я не знал: они, как и еще несколько моих родных, за восемь лет до моего рождения умерли от голода, который в 1921–1922-м настиг Самарскую губернию, да и бóльшую часть всего Поволжья. Одна из бабушек вскоре умерла. Вторая — во время эвакуации из блокадного Ленинграда, в апреле 1942-го.

Моя семья попала в два страшных голода: в Поволжье и ровно через двадцать лет — в Ленинграде.

В детстве, если бабушке казалось, что я чего-то не хочу есть, она говорила:

— Ты голода не видел.

О голоде в Поволжье я знал только по рассказам выживших. А о ленинградском... я сам каким-то чудом выжил.

Какие настроения я видел тогда в среде старой петербургской интеллигенции? Той, которую Сталин назвал «перепуганными интелли-

гентиками»¹. Советская власть этим людям была чужда, они от нее пострадали. Но победы Гитлера никто не желал.

С горькой иронией отнеслись к посланию Калинина, «всесоюзного старосты». Обращаясь: «Ленинградцы, дети мои», — он призывал потуже затянуть пояса. А люди-то умирали.

«Перепуганные интеллигентики»! Их уже столько пугали, таскали по ссылкам, чего им еще бояться? Но, наверно, они-то и были бóльшими патриотами, чем те, кто так себя гордо называл. Верили в Бога, хотя в церковь не ходили. Верили в конечный разгром немецкого фашизма, хотя и понимали, что нужны не «несколько месяцев, полгода, может быть, годик». И прилагали к этому все силы, которые у них еще оставались. Продолжали работать, каждый на своем месте. Во время бомбежек мама дежурила на чердаке и крыше: нужно было гасить зажигательные бомбы в ящиках с песком. Иногда ходил с ней и я.

Не верили укоренившемуся слуху, будто первопричиной голода стал пожар продовольственных Бадаевских складов после немецкой бомбежки. Могло ли все содержимое складов погибнуть от одной бомбежки? И вообще — неужели громадный город полностью зависел от одной лишь группы складов, даже если она большая? А не был ли этот слух выгоден ленинградским начальникам или властям, куда более высоким? Или — больше того — ими и «запущен»? Свалить страшный голод на немецкую бомбежку и на нерадивых хозяйственников, которые чуть ли не всё продовольствие для огромного города якобы собрали в одно место, положили все яйца в одну корзину...

Был и другой слух, но его передавали друг другу только шепотом и только самым близким: власти, не надеясь отстоять Ленинград, готовились заминировать важнейшие объекты, а в отношении продовольствия больше всего боялись, как бы

¹ Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // *Сталин И.В.* Соч.: в 16 т. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 84–86.

оно не досталось врагу². Не хотелось верить, что это — правда, хотя считали, что от властей можно ждать чего угодно. И впоследствии это, в сущности, признал даже А.И. Микоян. По его словам, Жданов, а за ним и Сталин, в начале войны отказались посылать в Ленинград дополнительное продовольствие — те составы, которые шли в Германию и должны были с началом германского вторжения повернуть обратно.

Вот воспоминания, которые Микоян опубликовал, уже отойдя от активной деятельности: «В самом начале войны, когда немецко-фашистские войска разворачивали наступление, многие эшелоны с продовольствием, направляемые по утвержденному еще до войны мобилизационному плану на запад, не могли прибыть к месту назначения, поскольку одни адресаты оказались на захваченной врагом территории, а другие находились под угрозой оккупации. Я дал указание переправлять эти составы в Ленинград, учитывая, что там имелись большие складские емкости.

Полагая, что ленинградцы будут только рады такому решению, я вопрос этот с ними предварительно не согласовывал. Не знал об этом и Сталин до тех пор, пока ему из Ленинграда не позвонил А.А. Жданов. Он заявил, что все ленинградские склады забиты, и просил не направлять к ним сверх плана продовольствие.

Рассказав мне об этом телефонном разговоре, Сталин дал мне указание не засылать ленинградцам продовольствие сверх положенного без их согласия. Тщетно я пытался его убедить, что спортивные помещения, музеи, торговые, наконец, дворцовые сооружения могут быть использованы как склады»³.

² В.С. Семёнов, известный дипломат, зам. министра иностранных дел, писал, основываясь на свидетельствах очевидцев: «Жданов праздновал в Ленинграде труса. Он и Ворошилов, отправленный сразу командовать Северо-Западным фронтом, фактически считали падение Ленинграда неизбежным» (От Хрущёва до Горбачёва. Из дневника чрезвычайного и полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семёнова // Новая и новейшая история. М., 2004. № 4. С. 102).

³ Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. С. 35–36.

Правда, не было ли и лукавства в этом признании Микояна? Что это были за составы, которые везли продовольствие к западным границам в плодородные области, которые сами снабжали страну? Ведь это было то продовольствие, которое советское правительство поставляло Германии вплоть до первого дня войны.

А об отношении Сталина к ленинградцам — еще одно признание Микояна. «Транспортировка в Ленинград продовольствия по воздуху вначале осуществлялась бомбардировщиками “дуглас”, которые я мог направить туда, поскольку контролировал поставки от союзников.

Транспортных самолетов в современном понимании тогда у нас еще не было. Мне удалось сконцентрировать, за счет других направлений, под Ленинградом около 50 бомбардировщиков “дуглас” и перевозить на них грузы в Ленинград. Дошло до Сталина. Он спросил меня: “О чем ты думаешь? Зачем боевые самолеты используешь не по назначению?” Пришлось уступить. В конце декабря 1941 г. почти все самолеты, доставляющие продовольствие в Ленинград, были переведены на выполнение других заданий.

Кузнецов⁴ имел по этому поводу продолжительный разговор с Поскрёбышевым, стараясь, чтобы тот внушил Сталину “необходимость “дугласов” для снабжения города”. Но Сталин не согласился их отдать на эти цели⁵. Военный совет Ленинградского фронта просил маршала Кулика, командующего 54-й армией, находившейся между Мгой и Волховом, дать в помощь Ленинграду одну-две дивизии. «Имея такую возможность, Кулик этого не сделал»⁶.

***

В Ленинграде с середины ноября 1941 года встречи между родственниками и друзьями — если они не жили рядом или

⁴ Кузнецов Александр Александрович — партийный деятель, в то время один из организаторов обороны Ленинграда.

⁵ Микоян А.И. Указ. соч. С. 36.

⁶ Там же. С. 35.

поблизости, — почти прекратились. Не было сил. Раньше люди пригибались при свисте снарядов. Теперь уже — нет. Не потому, что стали храбрее, — просто не было сил.

С 20 ноября снова снизили нормы выдачи хлеба. Служащим, иждивенцам и детям — по 125 граммов, да и то с примесью целлюлозы. Вместо жиров, сахара и всего, что полагалось по карточкам, — немного яичного порошка, кусочек американского кокосового масла или что-то еще в этом роде. На месяц! Вода — из Фонтанки, куда десятилетиями сливали нечистоты. Нам-то еще повезло — жили рядом с Фонтанкой.

Кто умел — как-то доставал дуранду, так в Ленинграде называли жмых. Ни мы, ни наши близкие этого не умели. В какой-то мере нас выручило, что мама еще летом запаслась чечевицей. Пережив голод 1921 года в Поволжье, она всегда боялась его повторения. И когда чечевица еще была, пока еще работали коммерческие магазины и столовые, сделала запас. Но, конечно, этого хватило ненадолго. В одной из листовок, которые немцы бросали на город, были слова: «Чечевицу съедите — город сдадите». Долгое время после войны мне казалось — нет ничего вкуснее. И я до сих пор люблю чечевичную похлебку.

***

Декабрь 1941-го и январь 1942-го — настолько страшные, что рука не поднимается описывать. Да и не уверен, что так уж отчетливо все помню. От голода память, как и все чувства, притупляется. Восприятие становится не очень отчетливым.

Еще в декабре не стало человека, который тогда называл себя моим «дедом», и его жены. Им было около семидесяти лет. Такие люди в то время выдержать не могли. Они были обречены. «Дед» с женой ушли из дома. Может быть, надеялись на помощь санитарных машин. Замерзли на улице...

Не стало моего двоюродного брата и двоюродной сестры — им не было и восемнадцати. Никто не знал, когда наступит его черед. Обтянутые кожей лица, как черепа, серо-землистого цвета. Врачи говорили, что по губам можно

определить, выживет человек или нет: если совсем серые — не жилец. Цинга — два коренных зуба у меня выпали. Оказалось, что хуже всего переносят голод мужчины. Большинство знакомых, умерших еще в декабре, — мужчины. Слышал о случаях людоедства, а свидетельство этого видел только один раз: в соседнем дворе лежали обструганные берцовые кости, похоже человеческие. В магазине видел, как вырывают друг у друга даже маленькие кусочки хлеба. Видел, что голод мог доводить до озверения, но в кругу близких такого не припомню. Скорее — самопожертвование. Помню, меня поразило: бабушка пришла к нам узнать, живы ли мы. Пришла с Васильевского острова к Пяти углам.

Однообразные дни... Без воды, без света, без тепла. Главное — без еды. Не раздевались ни днем, ни ночью. В пальто. В очередях за пайком, за хлебом — сырым, глинистым. Иногда его привозили только к полудню. А бывало, и на следующий день. Очереди занимали с раннего утра.

Я рубил топориком мебель для буржуйки. Начал с мелкой, потом дошел до дивана, но старинный дубовый сервант — не сумел. Не хватило сил. Это его спасло, он сохранился и по сей день стоит у меня в квартире.

«Теперь, через 50 лет после снятия блокады, часто приходится слышать от переживших ее, как они героически сражались с голодом и холодом, становились донорами из патриотических побуждений, дружно и вдохновенно расчищали разбомбленные дома и улицы, чистили и убирали любимый свой город. Все это верно. Только это полуправда. Героизм, конечно, был. Но его, скорее, можно отнести ко второму периоду блокады, когда стали более регулярно поступать в магазины и столовые продукты, появилась надежда на близкое снятие блокады, да и на фронтах обозначились реальные успехи Советской армии. Оставшихся в живых ленинградцев тогда действительно охватило желание скорее восстановить город, создать привычную обстановку прежней своей жизни. В тяжелейший же период, октябрь — декабрь 1941 г. и январь — март 1942 г., у погибающего от голода и

холода населения была одна проблема: выжить и сохранить жизнь своим близким и родным»⁷. В этих словах блокадницы В.С. Гарбузовой немало правды.

На что надеялись? Что войска маршала Кулика, генерала Федюнинского возьмут Мгу, Тихвин, прорвут, наконец, кольцо.

К началу марта подвоз продовольствия немного вырос. Чуть прибавили хлебные нормы. Развивался черный рынок: можно было обменивать какие-то вещи на хлеб, конечно, нелегально. В нашем доме был продовольственный магазин. Туда — продавцам — ушло многое из того ценного, что мы имели.

Но это были лишь крохотные послабления. Голод продолжался. Люди по-прежнему умирали.

Шла эвакуация по Дороге жизни, по льду Ладоги. Решиться или нет? Надо ли? И хватит ли сил? Желающих — множество, хотя еще в середине февраля пошел слух, что эвакуированные могут лишиться права на свою жилплощадь. Но жизнь — дороже жилплощади. К тому же извечная надежда: авось, не отберут.

***

В марте 1942-го началась принудительная высылка из Ленинграда. Людям присылали повестки: выселяетесь, такого-то числа обязаны быть на Финляндском вокзале. По какому признаку выселяли? Никто ничего не объяснял. Говорили о якобы трех категориях населения: немцах, эстонцах и тех, кто уже раньше был репрессирован.

Высылать тех, кто и так-то, может быть, не доживет до завтра, умрет от голода! Да, умом Россию не понять!

Моего отца выслали (снова в Сибирь) 19 марта 1942 года, и его ссылка очень подействовала на маму и всех нас.

Мы наскоро собрались и двинулись тоже: бабушка, мама со мной, ее сестра с сыном и жена брата с двумя сыновьями.

⁷ Гарбузова В.С. Предисловие // Болдырев А.Н. Осадная запись (блокадный дневник). СПб.: Европейский Дом, 1998. С. 21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru